Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Олег Прокофьев, между изображением и словом | Oleg Prokofiev, entre l’image et le mot

Auteur: Надежда Сикорская, Женева , 18.03.2020.

Сергей Прокофьев с сыновьями Святославом и Олегом и женой Линой, 1936 г. (DR)

Мы продолжаем серию публикаций, отражающих наиболее интересные встречи, проходящие в Русском кружке Женевского университета.

|

Nasha Gazeta continue la série des publications consacrée aux conférences présentées au

Cercle russe de l’Université de Genève, notre partenaire privilégié de longue date.

Oleg Prokofiev, entre l’image et le mot

Признаемся, мы ничего не знали об Олеге Прокофьеве (1928-1998), за исключением того, что это был сын великого композитора. А потому с интересом отправились на лекцию Ильи Кукуя, посвященную его художественному и литературному творчеству.

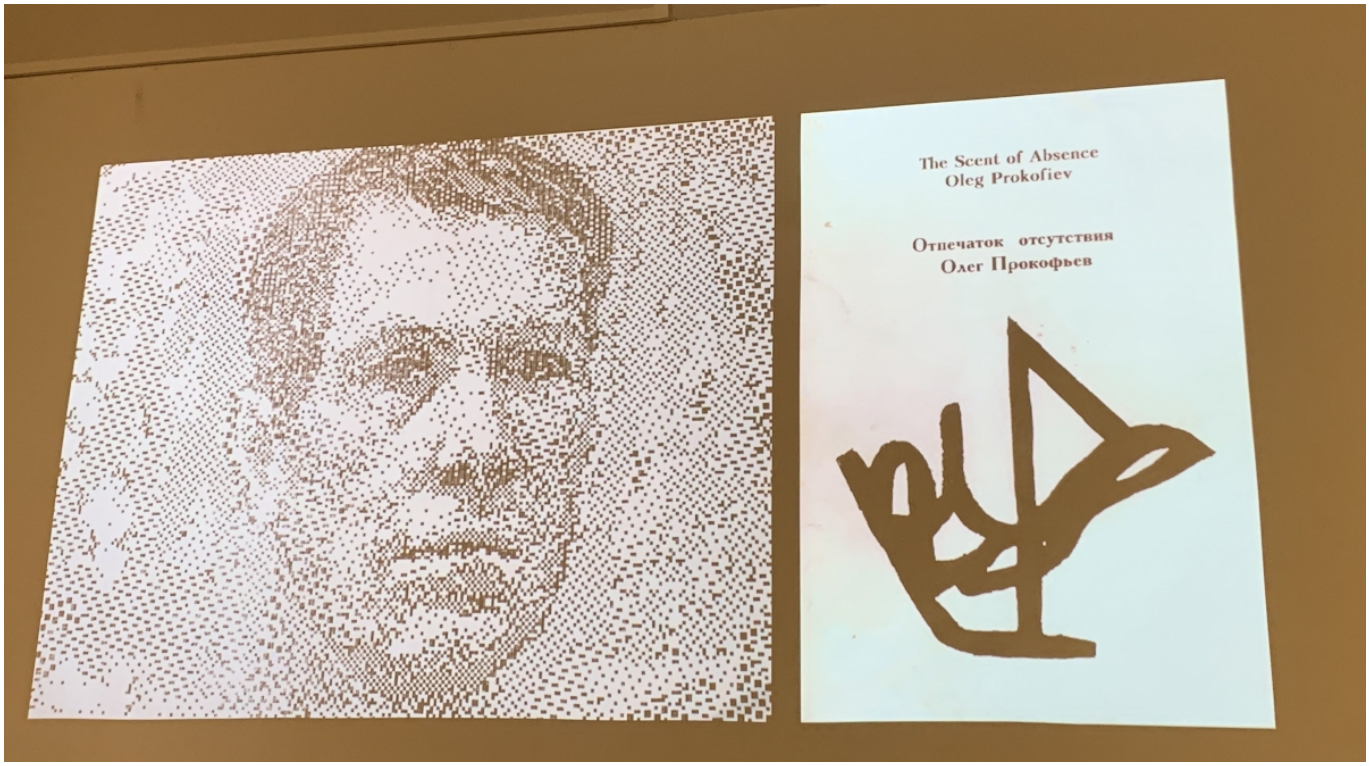
Илья Кукуй – доктор наук, сотрудник мюнхенского Института славянской филологии и куратор архива Центра русской культуры колледжа Амхерст (США); специалист в области исторического авангарда и неофициальной советской культуры; составитель ряда научных изданий русской поэзии (В. Гнедов, П. Зальцман, Л. Аронзон, А. Волохонский и др.). В настоящее время он готовит к публикации в издательстве Academic Studies Press (Бостон) Собрание сочинений Олега Прокофьева. За полтора часа он рассказал массу интересного о неординарной и во многом трагической жизни и уникальном творчестве этого автора, известного широкой публике в лучшем случае как художник и издатель дневников своего отца, композитора Сергея Прокофьева. А ведь все гораздо сложнее и увлекательнее.

Выдержки из рассказанного Ильем Кукуем в аудитории Женевского университета мы приводим, как услышали.

Профессор Илья Кукуй (c) Nashagazeta

****

О том, что Олег Прокофьев писал стихи, Илья Кукуй знал. Он публиковался в эмигрантской и постсоветской периодике, его стихи вошли в монументальную антологию «У голубой лагуны», которую с конца 1970-х и до конца 1980-х годов выпускал в США Константин Кузьминский (русский поэт и эссеист, диссидент – Н.С.). В его архиве Кукуй и нашел переписку с Прокофьевым со вложенными в концерт самодельными книжечками, которые привлекли его внимание. При жизни вышла, в Лондоне, лишь одна – «Отпечаток отсутствия».

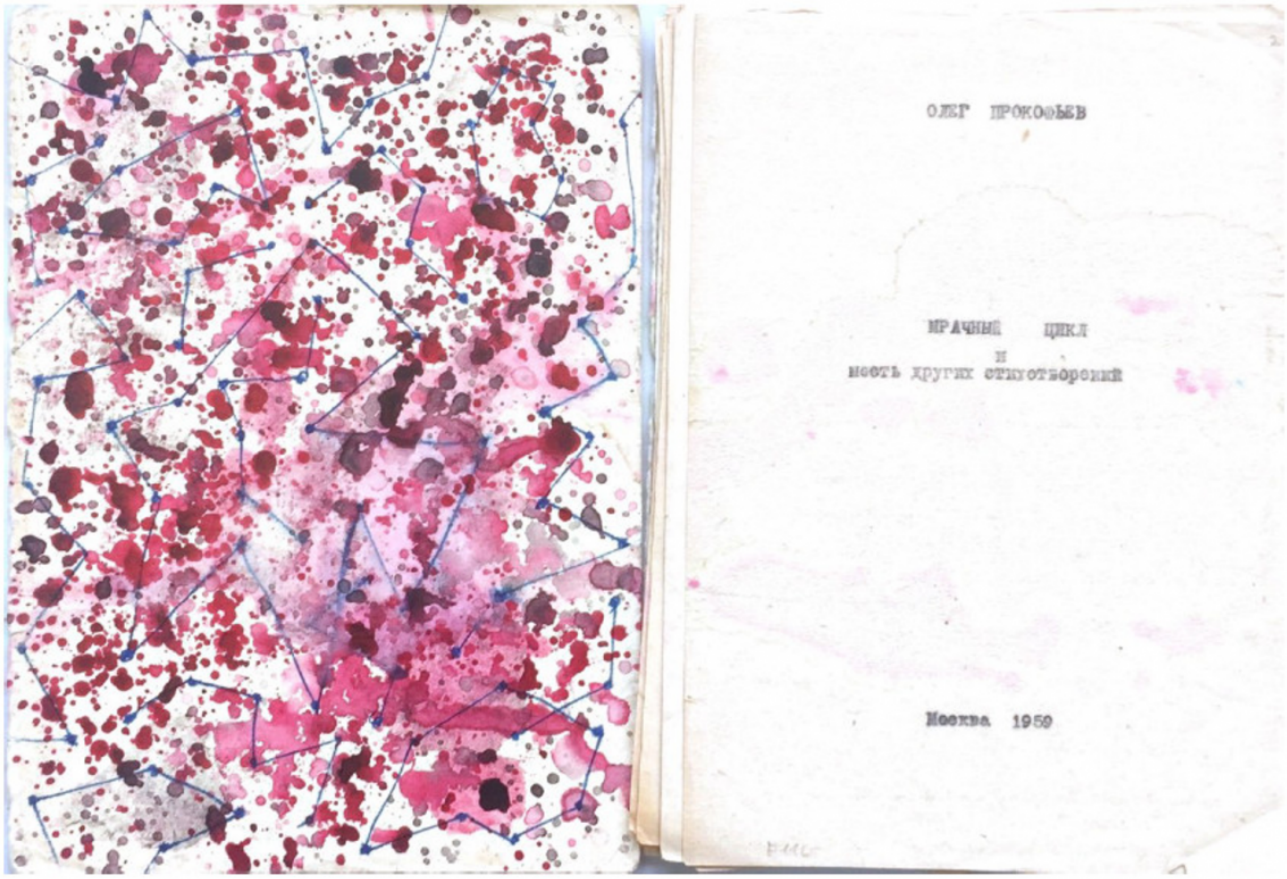


Олег Прокофьев состоялся в эмиграции как художник – у него было много персональных выставок, выходили каталоги, а в начале 2000-х годов прошла его выставка в Третьяковской галерее. Он не был бедным человеком, длительное время существовал на авторские гонорары отца и занимался изданием его дневников. Первое издание их вышло в английском переводе Олега, а в оригинале дневник композитора 1927 года вышел в журнале «Синтаксис». Несмотря на имевшиеся возможности, свои сочинения он не издавал – литература оставалась делом интимным, хотя стихи составляли очень важную часть его художественного мира.

Олег Прокофьев родился 14 декабря 1928 года в Париже, где провел первые шесть лет своей жизни. Он писал об этом так: «Родился я в Париже, чем большую часть жизни тайно гордился, культивируя в себе секретную ностальгию. Пока не приехал туда опять, уже взрослым, и понял, что одна только эта случайность и объединяет меня с исконными парижанами».

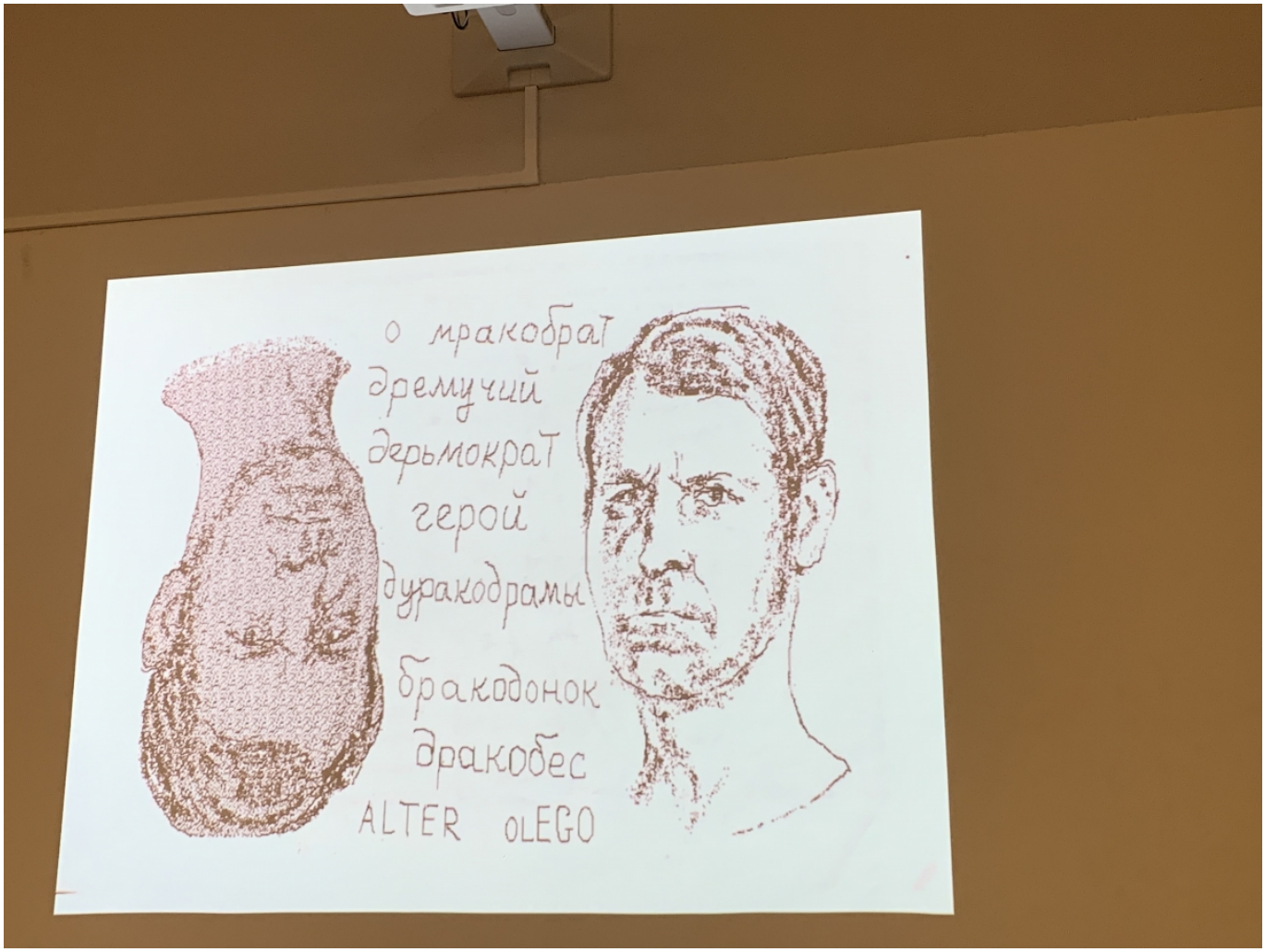
Русский язык он в детстве не слышал, русских сказок ему не читали, песен не пели – мать Олега, Лина, была испанской оперной певицей, сопрано. «Русскому языку я был обучен лет в пять-шесть польско-французской бабушкой по материнской линии», - вспоминал он. Впервые приехав с родителями в Москву в 1935 году, он с изумлением пытался читать все вывески, отмечая разницу между алфавитами. Тот факт, что русский не был для него родным, видимо, повлиял на то, как он пользовался им в своих стихах – это видно в документальном фильме «Возвращение нонконформиста», подготовленного к его выставке в Третьяковке. Может быть, поэтому он тяготел к верлибру, для русской поэзии несвойственному. При этом сам он объяснял это тем,

что с детства его окружала музыка, и когда при нем сравнивали поэзию и музыку, ему казалось неестественным, что свободный музыкальный поток, который он ежедневно слышал дома, замыкается в поэзии в достаточно консервативные и жесткие рамки.



Одна из самодельных книжек Олега Прокофьева

Прокофьев выбрал живопись основной своей деятельностью достаточно поздно и по инерции – пойдя в художественную школу вслед за старшим братом. Быстро становится ясно, что живопись – его призвание. Он поступил на художественно-графический факультет Московского педагогического института и брал частные уроки у Роберта Фалька. Отношения с Фальком, как и с Борисом Пастернаком, наложившись на ситуацию безотцовщины, стали совершенно особыми – в 1940 году Сергей Сергеевич Прокофьев ушел из семьи, познакомившись на отдыхе в Кисловодске со студенткой Литинститута Мирой Мендельсон. Ситуация была особенно трагичной еще и потому, что в 1948 году Лину Прокофьеву обвинили в шпионаже, осудили на 20 лет лагерей и сослали в Абези, где она провела 8 лет, вплоть до реабилитации в 1956 году.



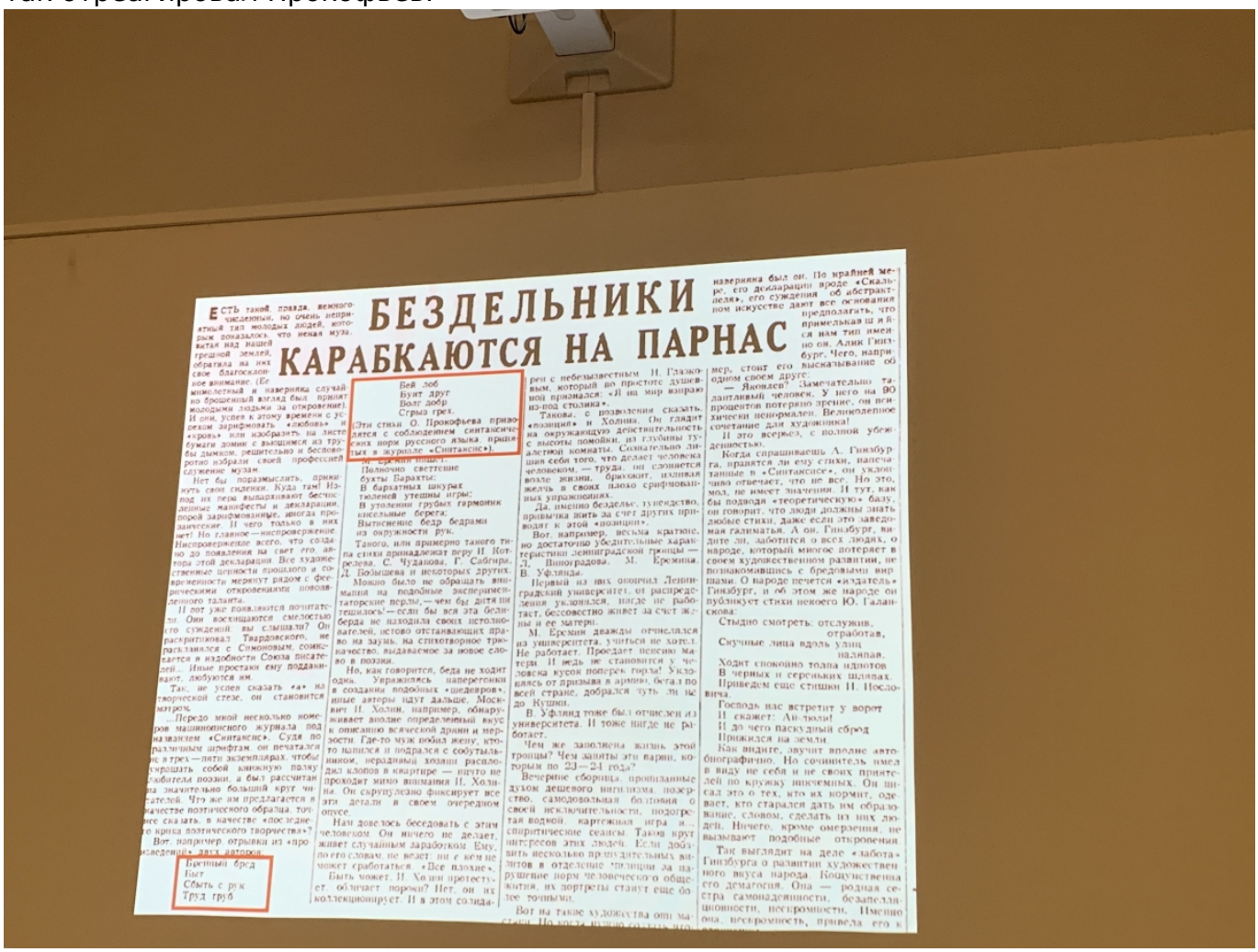
Пастернак оказал решающее влияние на Олега Прокофьева-поэта с того момента, как 27 мая 1946 года он попал на его творческий вечер в Политехническом музее. Олег решил во что бы то ни стало разобраться в его поэзии, и целое лето разбирал стихи по строчкам. Это навсегда изменило его вкус к поэтическому слову. «В этот вечер в его поэзии мне открылась та удивительная предметность, при которой казалось, что сами чувства овеществлялись в стихах», – вспоминал он.

Начиная с 1950-х годов Прокофьев тяготел к экспериментальному творчеству и авангарду, во многом благодаря, а в чем-то и вопреки занятиям с Фальком. Отношения Прокофьева с Фальком иллюстрирует стихотворение, написанное в начале 1980-х годов, в котором есть строка – «так иногда любят отца, искренне и беззаветно».

ФАЛЬК вошел с отсутствующим видом больной как тихий закат
головой качая как Будда
только без колокольчиков
таинственный как Джаварман Седьмой или Четвертый
кто это может проверить?
Иногда шевелил губами
мудрые и горькие свои побасенки
Записанные на память они как прожеванная еда
теряли соль жизни что кристаллизует невысказанное в явное
Отчасти это есть и в его покухшей масляной живописи
из которой удушающая обстановка сталинской стагнации
высосала прелесть момента
по крайней мере для меня
восхищавшимся им как Рембрандтом
которого я тогда еще не видел
В ту пору кто-то внутри меня приказал
Люби его
я так и сделал
Так иногда любят отца издали и беззаветно
любить же отца было забытой привычкой
прерываемой его нетерпеливыми вспышками
Странно ведь мой отец мне был ближе
не по характеру а по духу искусства где была кровь?
но музыка была для меня чем-то давно привычным
как расположение комнат в квартире заполняемых ею
А у Фалька в московской исторической глуши
интеллектуальная радость
отзывалась рехущей новизной чувств
В этих мазках была откровенность
вспоротого живота души
внутренность вещей приветствовала меня
как новичка лирической конспирации
членство было сейчас и пожизненно
И все это началось в тот день
когда ФАЛЬК роберт рафаилович
вошел в комнату покачивая желтой головой
и не глядя на меня
подумал
"опять учить этих олухов"

Стихотворение, посвященное Роберту Фальку

Оттепель конца 1950-х годов и проходившие в Москве выставки Пикассо и Поллока открыли Олегу Прокофьеву мир «другой» живописи, а в музыке он сближается с композитором Андреем Волконским, также вернувшимся из эмиграции и совмещавшим в своем творчестве барочную музыку и традицию нововенской школы (Шенберг, Берг, Веберн). Тогда же Прокофьев начинает свое поэтическое ученичество, выпавшее на расцвет «лианозовской школы». Стихи Прокофьева входят в московский выпуск самиздатовского альманаха «Синтаксис» Александра Гинзбурга, и именно стихотворение из этого сборника цитируется в знаменитом фельетоне «Бездельники карабкаются на парнас» в газете «Известия». «На парнас я может и карабкался, но никак не в советскую литературу. С этим иллюзий у меня не было», так отреагировал Прокофьев.



БЕЗДЕЛЬНИКИ КАРАБКАЮТСЯ НА ПАРНАС

Есть такой, правда, немногочисленный, но очень неприятный тип молодых людей, которым показалось, что некая муза, витая над нашей грешной землей, обратила на них свое благосклонное внимание. (Ее мимолетный и наверняка случайный брошенный взгляд был принят молодыми людьми за откровение). И они, успев к этому времени с успехом зарифмовать «любовь» и «кровь» или изобразить на листе бумаги домик с вьющимся из трубы дымком, решительно и бесповоротно избрали своей профессией служение музам.

Нет бы поразмыслить, прикинуть свои силенки. Куда там! Изнутри их перо выдавливают бесчисленные манифесты и декларации, порой зарифмованные, иногда прозаические. И чего только в них нет! Но главное — непримиримое отрицание всего, что создано до появления на свет его автора этой декларации. Все художественные ценности прошлого и современности мерцают рядом с феерическими откровениями новоявленного таланта.

И тот уже появляются почитатели. Они восхищаются смелостью его суждений: вы слышали? Он раскритиковал Твардовского, не расклинялся с Симоновым, совместился в издобности Союза писателей... Иные простаки ему подаивают, любуются им.

Так, не успев сказать «а» на творческой стезе, он становится мэтром.

...Передо мной несколько номеров машинописного журнала под названием «Синтаксис». Судя по различным шрифтам, он печатался не в трех—пяти экземплярах, чтобы украшать собой книжную полку любителя поэзии, а был рассчитан на значительно больший круг читателей. Что же им предлагается в качестве поэтического образца, точнее сказать, в качестве «последнего крика поэтического творчества»?

Вот, например, отрывки из «произведений» двух авторов:

Бренный бред
Быт
Сбыть с рук
Труд грыб

Бей лоб
Бунт друг
Волг добр
Стрыз грех.

(Эти стихи О. Прокофьева приводятся с соблюдением синтаксических норм русского языка, принятых в журнале «Синтаксис»).

...Полночно светтение
бухты Барахты:
В бархатных шкурах
тюленей утешны игры:
В утолении грубых гармоник
кисельные берега:
Вытиснение бедр бедрами
из окружности рук.

Такого, или примерно такого типа стихи принадлежат перу Н. Котрелева, С. Чуданова, Г. Сабгира, Д. Бобышева и некоторых других.

Можно было не обращать внимания на подобные экспериментаторские перлы, — чем бы дитя ни тешилось! — если бы вся эта белиберда не находила своих истолкователей, истово отстаивающих право на заумь, на стихотворное тряпичество, выдаваемое за новое слово в поэзии.

Но, как говорится, беда не ходит одна. Увлекшись наперегонки в создании подобных «шедевров», иные авторы идут дальше. Москвич Н. Холин, например, обнаруживает вполне определенный вкус к описанию всяческой дряни и мерзости. Где-то муж побил жену, кто-то напился и подрался с собутыльником, неразвитый холостяк расплодил клопов в квартире — ничто не проходит мимо внимания Н. Холина. Он скрупулезно фиксирует все эти детали в своем очередном опусе.

Нам довелось беседовать с этим человеком. Он ничего не делает, живет случайным заработком. Ему, по его словам, не везет: ни с кем не может сработаться. «Все плохие». Быть может, Н. Холин протестует, обличает пороки? Нет, он их коллекционирует. И в этом солидарен с небезызвестным Н. Глазковым, который по простоте душевной признался: «Я на мир взираю из-под столика».

Таковы, с позволения сказать, «позиция» и Холин. Он глядит на окружающую действительность с высоты помойки, из глубины туалетной комнаты. Сознательно лишив себя того, что делает человека человеком, — труда, он сгнивается возле жизни, брюзжит, изливая желчь в своих плохо зарифмованных упражнениях.

— Да, именно бездельс, тунеядство, привычка жить за счет других приводят к этой «позиции».

Вот, например, весьма краткие, но достаточно убедительные характеристики ленинградской группы — Д. Виноградова, М. Еремина, В. Уфлянда.

Первый из них окончил Ленинградский университет, от распределения уклонялся, нигде не работает, бессовестно живет за счет жены и ее матери.

М. Ерхмин дважды отчислялся из университета, учиться не хотел. Не работает. Проедает пенсию матери. И вот же становится у человека кусок поперек горла! Уклоняясь от призыва в армию, бегал по всей стране, добрался чуть ли не до Кушки.

В. Уфлянд тоже был отчислен из университета. И тоже нигде не работает.

Чем же заполнена жизнь этой группы? Чем заняты эти парни, которым по 23—24 года?

Вечерние сборища, пропитанные духом дешевого нигилизма, пожрство, самодовольная болтовня о своей исключительности, подогретая водкой, картежная игра и... спиритические сеансы. Таков круг интересов этих людей. Если добавить несколько предусмотрительных визитов в отделение милиции за нарушение норм человеческого общежития, их портреты станут еще более точными.

Вот на такие художества они мастера. Но хотя [illegible] наверняка был он. По крайней мере, его декларации вроде «Скальпеля», его суждения об абстрактном искусстве дают все основания предполагать, что примелькав ш и я ся нам тип имеено он, Алик Гинзбург. Чего, например, стоит его высказывание об одном своем друге:

— Яковлев? Замечательно талантливый человек. У него на 90 процентов потерянно зрение, он всячески ненормален. Великолепное сочетание для художника!

И это всерьез, с полной убежденностью.

Когда спрашиваешь А. Гинзбурга, правятся ли ему стихи, напечатанные в «Синтаксисе», он уклончиво отвечает, что не все. Но это, мол, не имеет значения. И тут, как бы подводя «теоретическую» базу, он говорит, что люди должны знать любые стихи, даже если это заведомая галиматья. А он, Гинзбург, видите ли, заботится о всех людях, о народе, который многое потеряет в своем художественном развитии, не познакомившись с бредовыми виршами. О народе речется «издатель» Гинзбург, и об этом же народе он публикует стихи некоего Ю. Галанскова:

Стыдно смотреть, отслужив,
отработав,
Скучные лица вдоль улиц
налипав.
Ходит спокойно толпа идиотов
В черных и серсиьких шляпах.
Приведем еще стишки Н. Поспелова.

Господь нас встретит у ворот
И скажет: Ай-люли!
И до чего паскудный сброд
Прижился на земли.

Как видите, звучит вполне автобиографично. Но сочинитель имел в виду не себя и не своих приятелей по кружку никчемных. Он писал это о тех, кто их кормит, одевает, кто старался дать им образование, словом, сделать из них людей. Ничего, кроме омерзения, не вызывают подобные откровения.

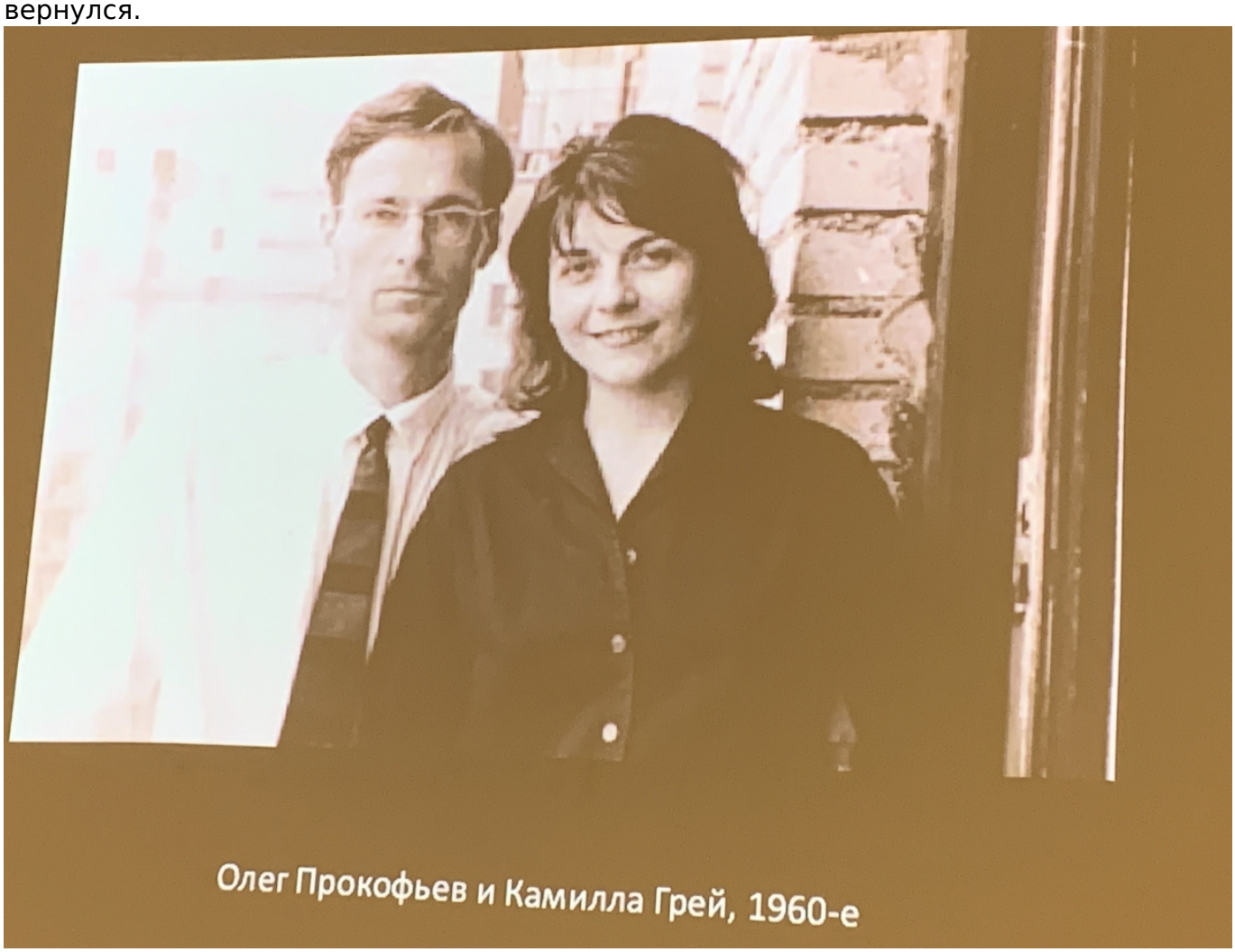
Так выглядит на деле «забота» Гинзбурга о развитии художественного вкуса народа. Кощунственна его демагогия. Она — родная сестра самонадеянности, безапелляционности, нескромности. Именно она, нескромность, привела его к

В лучших традициях...

Иосиф Бродский написал нелицеприятную и очень ранившую Прокофьева рецензию на его стихи, после чего Олег Сергеевич на много лет перестал писать.
Самым важным событием в жизни Прокофьева стало знакомство с английским искусствоведом Камиллой Грей, официально приехавшей в Москву как переводчик для танцоров Королевской оперы, а на деле собиравшей материалы для своей монографии о русском авангарде «Великий эксперимент: Русское искусство 1863—1922», которая выйдет в Лондоне в 1962 году. Они два года прожили, с урывками, вместе, но в 1963 году Камилле отказали в визе в СССР, и до 1969 года эти «Ромео и Джульетта советской эпохи» жили по разные стороны железного занавеса. В результате этих душевных мук Прокофьев сменил художественную эстетику.

В 1971 году Олег с беременной Камиллой поехали в отпуск в Сухуми, где она

подхватила вирусный гепатит и скончалась. Ей было 35 лет. Спасти ребенка также не удалось. Прокофьеву разрешили вывезти в Лондон тело жены, и в СССР он уже не вернулся.



Олег Прокофьев и Камилла Грей, 1960-е годы

Стихотворения Прокофьева его первой советской фазы, 1958-1971 годов, дошли до нас отпечатанные на машинке, в единственном экземпляре, сохранившемся в его личном архиве. Вот один пример.

Сотрешься в век цензуры и ракет,
Оденешь, словно шкуру, этот бред,
Возьмешь с собой обманы теплых губ,
Чудовищных, как раны тех, кто люб.
Казенный призрак брешет, хода нет,
Потом уйдет, как леший, в лес газет,
Один гуляй на воле полный срок,
С такой овцы довольно шерсти клок.

В Англию, куда его занесла судьба, Олег Прокофьев был вынужден практически все начать с начала. Он получил стипендию факультета графики университета город Лидс, где проработал несколько лет. Стихов он пишет в этот период мало, и все они горькие, отражающие переживания от расставания с родиной и от смерти Камиллы. Свое поэтическое молчание он пытается преобразовать в тот выразительный язык, который сформировался еще в Москве, и привести его в соприкосновение с пока еще чуждым ему миром. Краткосрочный визит в Нью-Йорк дает ему важнейшие импульсы

для преобразования своего языка как художника. Под впечатлением от города он создает целую серию работ, переходя к полной беспредметности, которая в конце концов приводит его в трехмерное пространство. С конца 1970-х – начала 1980-х годов Прокофьев работает с деревом, которое красит, создавая странные конструкции и возвращаясь таким образом в мир русского авангарда.

К живописи Прокофьев возвращается через работу в объеме. В беспредметных композициях начинают появляться люди, сохраняется тяготение к архитектурным деталям. В 1990-е годы он переходит к портретам, возвращается к предметной живописи.

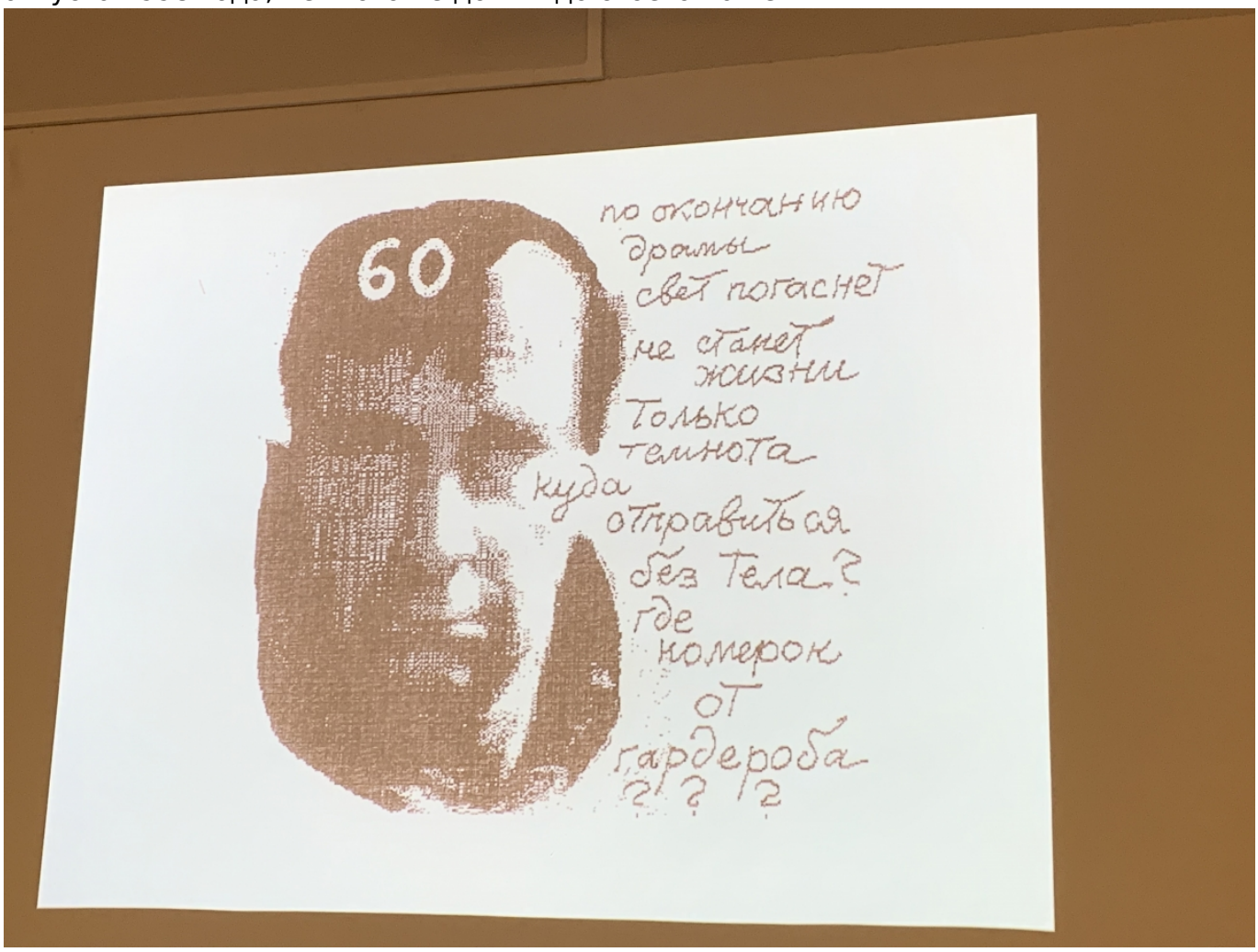
Портрет Сергея Прокофьева, 1990 г.

В 1980-х Прокофьев вновь находит себя и в литературе. Поводом для этого послужило знакомство с Константином Кузьминским, из переписки с которым видно, как еще одна смерть – смерть сына от лейкемии в1982 году – по-своему привела к рождению формы, в которой Прокофьев работал всю оставшуюся жизнь: поэтические циклы на четвертинках или восьмушках листа. Первый цикл назывался «Книга зерен», работа над ним началась за два дня до смерти сына. Поэт трагический, в цикле «Любовь – удел одиноких» он воспевает любовь, что делает цикл знаковым. Но…

Лежать рискованно,
Ходить опаснее,
Пропасти подстерегают везде.
Неприличный кончик вечности,
Третья нога безногого,
Слепота глухих.

От многих других верлибристов Прокофьева отличает лаконичность и выточенность формы, очень сильная визуальность, выдающая художника, и особое звучание стиха, которое для него важнее практичного значения слова. Всем своим творчеством он искал ответ на вечный вопрос «Для чего все это?» И отвечал сам себе: «Наверное, для того чтобы задавать себе такие бесполезные вопросы».

Олег Сергеевич Прокофьев скоропостижно скончался от разрыва аорты, на пляже, 20 августа 1998 года, немного не дожив до своего 70 лет.



Это стихотворение Олег Прокофьев написал к своему 60-летию

[Сергей Прокофьев]
[Олег Прокофьев]
[Лина Прокофьева]

Надежда Сикорская
Nadia Sikorsky
Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL:
https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/oleg-prokofev-mezhdu-izobrazheniem-i-slovom